

Дамье Вадим. Человек глубоко левой культуры

Я не помню, где и когда я познакомился со Стасом. Могу только предполагать, что было это безумно давно. «Всю жизнь назад», что называется. До осени 1993 г. мы уже были знакомы, и, вероятно, наше знакомство состоялось в кругу несталинистских левых, которые в начале 90-х годов пытались как-то поддерживать между собой контакты. Например, они образовывали совместную колонну 7 ноября. Сталинисты шли с флагами и своими лозунгами. А несталинисты шли своей отдельной колонной со своими антисталинистскими лозунгами. Это был прямой вызов, который бросался сталинистам. Вполне возможно, знакомство наше шло оттуда.

В 1993 году имел место эпизод, о котором я хочу сейчас рассказать. Это было в первые дни ельцинского переворота, в сентябре. Радикальные левые расценили это событие по ассоциации с Чили 73-го года, т.е. мы тогда считали это переворотом с пиночетистскими замашками. Диктаторскими методами хотели навязать стране неолиберальный экономический курс. И естественно, первой мыслью было оказать перевороту какое-то сопротивление. Понятно, что мы, как анархисты, имели свой взгляд на сложившуюся ситуацию. Так что, скорее всего, инициатором истории, о которой я расскажу, был Станислав.

История такова. В самые первые дни переворота мы с ним встретились в Доме социал-демократической партии на Преображенке. Обсуждали ситуацию, что делать, как противодействовать перевороту и т.д. Я рассказал о позиции нашей группы.

Стас тогда был одним из деятелей левого крыла Социалдемократической партии (СДПР). Он был в своей партии в меньшинстве. У власти там тогда находились правые. Между прочим, в ту же левую группу входили и супруги Ракитские.

В «партийном» доме мы пришли к мнению, что, конечно, неприятны с политической точки зрения не только Ельцин, но и те силы, которые блокируются вокруг Парламента. Там начинали скапливаться не только сталинисты, но и крайние откровенные националисты. Причем Парламент не делал ничего, чтобы отгородиться от националистических сил.

Родилась идея, что неплохо бы добиться от Парламента, чтобы он порвал с этими националистическими тенденциями и выступил в защиту действительных гражданских прав, свободы и демократии. Для меня, как для анархиста, все это было достаточно далеко, а Стас воспринимал это как свое жизненное, что соответствовало его взглядам, позиции, убеждениям. Для него это было важно.

Речь шла, во-первых, об этом, а во-вторых, о позиции регионов. К этому моменту некоторые регионы уже успели высказаться в том духе, что они с Ельциным не согласны. Сибирский, Уральский, еще несколько регионов заявили о том, что они готовы пойти на открытое игнорирование Москвы. Если бы другие регионы высказались в достаточной степени открыто, то сложилась бы ситуация явно не в пользу Ельцина.

И тогда возникла идея (точно не помню, у кого, может быть, и у Стаса) выступить в качестве экспертов-политологов в Верховном Совете и попытаться посоветовать депутатам: во-первых, разорвать порочный союз с националистами и, во-вторых, осмелиться покинуть Москву. Выехать в региональный центр. В тот же Новосибирск или поближе, на Волгу, например. (Надо отметить, что тогда в Москве было много всяческих политических совещаний такого рода, в частности, и Александр Бугалин¹ проводил такие встречи. И еще было несколько инициатив на этот счет. Стас после этой своей инициативы ходил еще в Бугалинскую группу).

Идея состояла в том, чтобы таким способом, опираясь на региональные силы и авторитет присутствующих членов Парламента, влиять на решения в Москве. После чего ситуация могла бы в течение нескольких дней измениться. Я напому, что армия в тот момент молчала. Ситуация была колеблющаяся. Поэтому позиция регионов в тот момент могла сыграть свою роль. Стас имел контакты через СДПР в Верховном Совете, и через них он мог передать эту идею (в отличие от меня, который держался от всей этой партийной публики подальше). На самом деле я до сих пор убежден, что если бы план Стаса тогда удался, то история с осенним кризисом власти в России развивалась бы по-другому. Если бы Верховный Совет стал действовать именно так, то Стас стал бы человеком, сильно повлиявшим на ход событий 1993 года. И возможно, мы бы сейчас жили в совершенно другой стране.

Через несколько дней я ему позвонил и спросил, как продвигаются дела, на что он мне сказал: «Я все это забросил, так как там (в Верховном Совете) совершенно другие люди – не те, которые предполагались».

После этого были встречи уже у Бугалина. Одновременно происходили встречи в одном из Московских райсоветов у Саши Абрамовича¹. Вот там, кстати, возникла идея сандружины. Затем наступило 3–4 октября. Наша дружина... Погибшие люди на улицах Москвы... Я помню два момента...

Помню, как мы, члены дружины, шли по Садовому кольцу сзади, подбирая раненых. Помню, как мне тогда попала на глаза националистическая листовка. Что-то типа: «Папа убей еврея, он продал нашу землю».

Помню, как мы стояли во дворе, под прикрытием большого сталинского дома (Новый Арбат, д. 31), где устроили медпункт и стаскивали туда людей. Стас там был. Я помню, как свистели, как щелкали пули...

После этого мы со Стасом стали общаться плотно и достаточно близко. 90-е годы – это один огромный калейдоскоп. Была совершенно другая жизнь, которую сейчас представить себе очень трудно.

Два буквально вырванных эпизода.

Эпизод первый. Стас еще студент. Рассказывает, каким он хочет стать адвокатом. «Я хочу стать левым адвокатом. Настоящим левым адвокатом». Я ему говорю: «Ты знаешь эту историю про немецких левых адвокатов, которые защищали РАФовцев²?» Он: «Да, да. Я об этом слышал». Мы очень долго с ним об этом разговаривали. И он сказал мне: «Я хочу так же, хочу быть таким же. Я знаю, что у нас будут дуть такие ветры, я знаю, что это нужно». То есть Стас подходил к адвокатской деятельности как человек глубоко левых взглядов (при том что мы, конечно, с ним были совершенно разных политических взглядов). Мне всегда казалось, что левизна – это не только взгляды. Может быть, даже не столько взгляды. Это – система ценностей. Это – система координат человека, которая его формирует.

1 Абрамович Александр Борисович, участник неформальных левых организаций периода перестройки, в 1990–1993 гг. депутат Дзержинского райсовета Москвы, с 1999 г. председатель правления движения «Новые левые».

2 Фракция Красной Армии (РАФ, RAF, Rote Armee Fraktion, группа Баадера-Майнхоф) – леворадикальная организация «городских партизан» в ФРГ и Зап. Берлине, основана в 1968 г. После того как в июне 1972 г. ключевые фигуры организации были арестованы, их защитниками выступили известные немецкие юристы: Клаус Крусан, Отто Шили, Ханс-Кристиан Штребеле.

История России, история Политического Красного Креста¹, которую Стас знал, на него, конечно же, повлияли. Вспоминали они с Ярославом Леонтьевым и историю политической адвокатуры в России, и народнические процессы, и суды над народовольцами, социал-демократами, эсерами. Конечно, все это его интересовало. Он прекрасно понимал эту традицию политической защиты. И воспринимал себя как продолжателя этой традиции.

Стас был действительно человеком глубоко левой культуры. Можно сказать: человеком левой системы ценностей. Адвокат у нас ассоциируется скорее с истеблишментом, особенно сейчас, в 2000-х годах. Стас абсолютно не ассоциируется со всем тем, что мы сейчас связываем с понятием адвокат. Он был совершенно не «адвокатский» адвокат. Нетипичный абсолютно. Но в эту стезю, в это занятие он вошел абсолютно органично. Органично, но исходя из своих собственных убеждений и своей собственной системы левых ценностей. Вот есть левое движение, которое борется на улицах, занимается стрит-файтом, занимается прямым действием, – и есть адвокаты, которые ему помогают. Он, учившийся тогда на юриста, хотел быть именно таким.

Левый адвокат – «зверь» очень редкий. Он всегда был очень редким. Тем не менее левые адвокаты, как ни странно, сыграли большую роль в истории левого движения, часто замалчиваемую. Я недавно перечитывал книгу о легендарном испанском анархисте Буэнавентуре Дуррути². В середине 1920-х годов его с друзьями арестовали во Франции, им грозила выдача в руки испанской диктатуры, и вытащил их адвокат-анархист Лекуан³. Используя связи, и делая то же самое, что делал Стас.

Сколько раз потом уже не только в 90-е, но и в 2000-е, когда задерживали людей на демонстрациях, мы звонили Стасу: «Стас, так и так. Помогай!». Если он был в Москве – он помогал сам. Если он не был в Москве – советовал. Последний раз это было весной 2008 г. во время демонстрации против полицейского произвола⁴. «Свинтили» там достаточно большое количество людей. Те, кто сумел уйти – ушли. Я помню, мы ушли с друзьями на Чистые пруды и оттуда вызванивали Стаса: «Стас, что делать?». Стаса, по-моему, в этот момент не было в Москве, он был в отъезде, чуть ли не на Северном Кавказе. Тем не менее он рассказал, к кому надо обратиться, кому надо позвонить, что надо сказать. Вот так он помогал все время.

1 Образован сразу после 1917 г., существовал с перерывами до 1938 г. В 1918–1922 гг. его председателями были: с 1918 по 1922 г. – Н.К. Муравьев, с 1923 г. – Е.П. Пешкова.

2 Буэнавентура Дуррути-и-Доминго (Buenaventura Durruti Dumange) (1896–1936), с 1920-х и до Гражданской войны один из лидеров испанских анархистов.

3 Лекуан Луи (Lecoïn Louis) (1888–1971) французский общественный деятель, анархист, пацифист, адвокат, защищал Сакко и Ванцетти в 1927 г. и троих испанских анархистов во Франции в 1930-х, сумел предотвратить их экстрадицию.

4 11 апреля 2008 г. в Москве на Славянской площади был жестоко разогнан пикет против милицейского произвола. Милиционеркам не понравилась растяжка «Долой ментовской беспредел!». Больше двух десятков человек было обвинено в хулиганстве и «различных правонарушениях» – их затем защищал Маркелов.

Кодекс по административным правонарушениям, все его статьи он это знал «назубок» и разъяснял много раз. Я хочу сказать, что он помог огромному количеству людей, которые должны быть ему благодарны. Будут благодарны. В их памяти он будет жить, как живет в моей.

Хотя в последние годы не по делу, чисто по-человечески мы мало, к сожалению, общались. Виделись в основном на каких-то мероприятиях. Когда времени мало, и все общаются по делам. И максимум, что можно успеть – переброситься парой слов: «Ты как?» – «Я нормально. Все хорошо». И побежали дальше. В ходе этих последних конференций Стас выступал за обновление левого движения, за поиск новых подходов.

Хочу вернуться к 90-м годам и вспомнить еще один эпизод. Характерный для Стаса, как для человека глубокой культуры, и в то же время человека по-хорошему, по-юношески увлекающегося. Он интересовался огромным количеством вещей, сохранял живость, непосредственность восприятия.

Август 1997 года. У него дома жили немецкие «автономы» – гости из немецкого «автономного левого» движения. По этому случаю была большая пирушка, в котором участвовал и я. Дело затянулось до глубокой ночи, я остался ночевать... А утром вдруг мы почему-то заговорили о Белоруссии. Стас спрашивает: «А ты знаешь белорусский?» Я белорусского языка не знаю. Я вообще даже мало слышал белорусский язык. И Стас

говорит: «Это невероятно красивый язык». И начал наизусть читать Янку Купалу. И действительно, это потрясающе, невероятно красиво звучало. Дивно. Я впервые услышал именно культурный белорусский язык. Настоящий звучный, красивый, а не частую смесь с русским. В устах Стаса это звучало великолепно. Английский он не очень хорошо знал, но еще один язык его, правда, интересовал. Я не знаю, правда, как долго. Стас считал, что он происходит из мордвы. И его очень интересовал язык эрзя, он пытался его выучить. Еще любил поляков и Польшу. Вместе с Петей Рябовым ходил на вечера в Польский культурный центр.

Хочу добавить, что Стас был, конечно, очень странным социалдемократом. Социалдемократом, который абсолютно не чурался радикальных действий. Прекрасно понимал, что они нужны, что они важны. Он отнюдь не был сторонником узкого парламентаризма. И нередко говорил вещи, довольно близкие анархистам. Я видел в Живом журнале его выступление («Я устал», 30 ноября) совершенно потрясающее по силе, и абсолютно анархистское по духу. На этом митинге он сказал, что никакие законы, никакие правила нам не помогут, если мы, люди, обычные простые люди, не будем помогать друг другу сами. Не будем друг друга поддерживать, действовать вместе.

Сказанное им тогда лишний раз свидетельствует о глубине той самой левой культуры, не сводимой к каким-то идеологиям или к принадлежности к партиям. Что-то очень хорошее, близкое и глубокое в нем было.

Версия #1

Зверобой создал 15 апреля 2025 22:59:11

Зверобой обновил 15 апреля 2025 23:04:25